

75 год нашей эры
ПЕРЕНТАЛИИ

ГЛАВА 1

Из всех живых существ лишь человеку дарована печаль... равно как и тщеславие, алчность и неумная жажда жизни.

Плиний Старший. Естественная история

Художник твердо стоит на деревянном помосте, закрывая собой богиню, что оживает под его кистью. За ним наблюдает Амара. Фреска почти готова: стену вокруг садика Амары теперь украшает сцена охоты. Осталось лишь прорисовать лицо Дианы. Амара с наслаждением вдыхает весенние ароматы. У ее ног, словно белые звезды, теснятся нарциссы, наполняющие воздух сладковатым запахом.

— Никому не дано полностью отразить ее красоту, — замечает художник, на мгновение отступивший от работы, чтобы осмотреть ее и снова взяться за кисть.

Амара понимает, что речь не о Диане. Если бы ей было нужно изображение богини, она могла бы нанять любого другого художника. Но Приск когда-то был любовником Дидоны, ее лучшей подруги, и никто, кроме него, не сумел бы написать ее точный портрет.

— Я уверена, что тебе это удастся, — отвечает Амара. Разумеется, она на это надеется. Над фоном вокруг центральной фигуры трудился подмастерье Приска, который попросил за свою работу совсем небольшую плату. Чтобы нанять Приска, главного художника артели, и увековечить память о подруге, придется отдать в десять раз больше.

— Таких прелестных женщин больше нет, — произносит Приск. — В ней была легкость, которой не сыщешь в других. До сих пор помню, как она пела.

Дидона умерла всего три месяца назад, и у Амары на глазах проступают слезы. Она моргает, чтобы Приск ничего не заметил. Амаре странно видеть его у себя дома. В их последнюю с Приском встречу они с Дидоной были

рабынями. Приск был обычным посетителем публичного дома, платившим сутенеру за то, чтобы провести ночь с Дидоной, пока его друг Сальвий вместе с Амарой уединились в соседней спальне. Теперь Амара — вольноотпущенница, и уже она платит за *его* услуги. Амара полагает, что они оба не знают, как относиться друг к другу после такого поворота судьбы.

Приск вновь отступает от стены и окидывает работу взглядом.

— Кажется, готово.

Амара делает шаг вперед.

— Я взгляну?

— Конечно.

Приск слезает с помоста, и перед Амарой наконец открывается портрет.

Дидона стоит, прижав одну руку к сердцу, а второй указывая вглубь сада. Амара вглядывается в лицо ушедшей подруги. Приск сумел передать безупречность ее черт, нежность губ и, главное, выражение глаз: в их темноте виднеется тоска, которую Дидона не умела скрывать. На Амару обрушивается скорбь, и она отворачивается. Приск протягивает руку, но тут же опускает ее — вероятно, из страха обидеть Амару своим прикосновением. Амара не сразу находит в себе силы заговорить.

— Я никогда не смогу достойно отблагодарить тебя.

— Эта работа была мне в удовольствие, — отвечает

Приск. — Приятно знать, что ее красота не утрачена навечно.

Приск стоит не слишком близко к Амаре, выражая тем самым свое уважение.

— Но могу я кое-что спросить? Почему ты решила запечатлеть ее в таком виде?

Приск обводит жестом стену, окружающую сад, и Амара видит, как разительно на фоне всей сцены вы-

деляется женская фигура. Охотничьи собаки — их морды лоснятся от крови, а в широко открытых пастьях виднеются острые зубы — разрывают на части оленя с человеческим лицом. Из растерзанного оленьего тела торчат белые ребра, под которыми алеет сердце. Это Актеон, которого Диана превратила в оленя только для того, чтобы его загрызли собственные псы. Так он поплатился за то, что увидел богиню обнаженной. Диана указывает на умирающего Актеона, и в тоскливом взгляде Дидоны угадываются проблески жестокого равнодушия.

— У нее была чистейшая душа, — произносит Амара. — Как еще можно было изобразить Дидону, если не в виде девственной богини?

Оба понимают, что Амара ушла от ответа. Приск согласно склоняет голову: он слишком учтив, чтобы допытываться.

— Конечно.

Амара смотрит, как Приск аккуратно складывает краски в ящик, пока его подмастерье разбирает помост, чтобы отнести в мастерскую. Затем она провожает обоих мужчин через атриум* до дверей. Сейчас Амаре не нужно платить художнику. С ним обязательно рассчитается ее патрон и любовник Руфус, когда у него найдется время. В дверях Приск ненадолго задерживается.

— Надеюсь, ты не против, если... — Он умолкает, чтобы собраться с мыслями. — Сальвий просил передать тебе пожелание доброго здоровья. Он неустанно благодарит богов за твой счастливый жребий и выражает тебе глубокое почтение.

* Первоначально центральная часть древнеримского жилища, представлявшая собой внутренний световой двор, откуда имелись выходы во все остальные помещения. *Здесь и далее примечания редактора.*